

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
ГЛАВА 1. РЕНТА, КАПИТАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК МОДЕРНА	10
1.1. Рента — не экономическое понятие	10
1.2. Рентоориентированный характер капитализма	32
1.3. Демократия и децентрация политической ренты	42
1.4. Глобальные фоновые факторы новой монополизации политической ренты	50
1.5. Капитализм, рента и демократия: возможна ли новая пересборка?	69
1.6. Конфигурация политических субъектов позднего капитализма	103
ГЛАВА 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОНТОЛОГИЯ РЕНТНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ, ИНСТИТУТЫ И КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРАКТИКИ	119
2.1. Падение среднего класса	119
2.2. Новая социальная стратификация: от экономических классов к рентным группам	153
2.3. Рентная демократия	168
ГЛАВА 3. РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК ОБЪЕКТ РЕНТНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ	192
3.1. Рентно-сословная трансформация российского общества	192

3.2. Российский политический порядок в рентно-сословной перспективе	233
3.3. Трансформация политической морали: от универсальной гражданской этики к сословной этике добродетели	248
ГЛАВА 4. СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО РЕНТНОГО ОБЩЕСТВА: ИДЕОЛОГИЯ, ФУТУРОЛОГИЯ И ПРАКТИКИ	278
4.1. Закат общества труда: современная идеологическая констелляция	278
4.2. Рентная трансформация и рост популизма	298
4.3. Утопическое сознание в контексте интенсификации рентных отношений	315
4.4. Новые коллективные рентные практики	333
4.5. Контуры рентного будущего: прогнозы и сценарии	362
Заключение	389
Библиография	392

Введение

ПОЛИТИЧЕСКОЕ мышление современности во многом определено своего рода *экономизмом* — экспансией экономического мышления как наиболее приближающегося к стандартам точных наук. Поэтому политическая мысль, особенно в ее идеологическом аспекте, пронизана экономическими метафорами — рынка, конкуренции, спроса-предложения, партий как предприятий и т.д. Это создает иллюзию, что и в социально-политической сфере преобладает некий процесс саморегуляции по рыночному (в широком смысле — экономическому, *естественному*) образцу. Экономика становится метаидеологией мышления о политике.

Однако разные исследователи, в том числе немарксистского направления, все чаще вскрывают идеологическую подоплеку экономизированного мышления. Эти разоблачения приобретали актуальность по мере того, как становилась все более ясной роль разнообразного политического регулирования в жизни современных обществ, а также то, что в самом их становлении как рыночных и капиталистических не было ничего *естественного*.

Таким образом была поставлена под сомнение *естественность* экономической науки и был положен предел ее экспансии в область политического мышления. Однако этот предел был положен скорее негативным образом — путем выявления идеологической ангажированности самой экономической науки. Но если идет речь о восста-

новлении более адекватной версии *политэкономического* экономического мышления, какая, собственно, и возникла первоначально, то просто констатации его идеологической ангажированности недостаточно.

Экономическая наука как *политическая экономия* исторически являлась политическим мышлением не в меньшей мере, чем *чисто экономическим*. С некоторых пор она стала полагать себя точной наукой (*экономикс*), что подразумевало маргинализацию ее политической составляющей. Это привело к образованию внутри и политической, и экономической науки одного важнейшего «слепого пятна» — проблематики ренты.

Рента — маргинализированное понятие, поскольку в его основе содержится представление о незаслуженном, незаработанном, *исключительном* преимуществе, которое не может быть устранено путем воздействия неких общих закономерностей. Особенно если само рентное отношение — искусственное, установлено прямым захватом ценного, ограниченного ресурса или насилием. В мире экономической науки, полагающейся на *естественные законы*, рента как *искусственный* феномен выглядит чужеродно.

В сегодняшней ситуации, наоборот, становится очевидной искусственность *всего* якобы естественного политико-экономического порядка современных обществ, основанного *только* на законах труда, капитала и рынка. И это происходит на фоне кризиса *общества труда*. Такой порядок предстает как искусственный и сконструированный. То, что ранее казалось в нем плодами *честной* работы труда и капитала, обнаруживает следы разного рода политико-административного и откровенно силового регулирования. Более того, становится очевидным, что *искусственность* современного политико-экономического порядка никуда не исчезнет в обозримом будущем.

В терпящих кризис, разрушающихся, меняющихся социальных порядках, которые до того воспринимались как

естественные, ярко проявляется искусственная, все более необходимая для поддержания их функционирования политическая составляющая. Эти же самые составляющие в период кризиса и разрушения могут достичь своего апогея и, возможно, стать тем критическим звеном, которое либо окончательно разрушит Старый порядок, либо даст начало новому. Для адекватного осмысления этих искусственных, политических, уязвимых мест старых порядков требуются понятия, возникающие на стыке политики и экономики. Одним из них, по нашему мнению, является не новое, но обладающее сегодня внушительным эвристическим потенциалом имплицитно *политизированное* понятие ренты. Один раз оно уже сыграло свою роль в разрушении феодальных порядков, а затем было маргинализировано: нужно было обезвредить его критический потенциал при осмыслении новых порядков, пришедших на смену. Но теперь вновь наступает его время.

Глава 1

Рента, капитализм

и политический порядок Модерна

1.1. РЕНТА — НЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ

К истории понятия ренты

РЕНТА — не экономическое понятие в том смысле, что у экономики есть какие-то отдельные квазиприродные законы. Изначально это понятие *политэкономическое*. В частности, Давид Рикардо утверждает, что «продукт земли — все, что получается с ее поверхности путем соединенного приложения труда, машин и капитала, — делится между тремя классами общества, а именно: владельцами земли, собственниками денег или капитала, необходимого для ее обработки, и рабочими, трудом которых она обрабатывается. Но доли всего продукта земли, достающиеся каждому из этих классов под именем “ренты”, “прибыли” и “заработной платы”, весьма различны на разных стадиях общественного развития <...>. Определить законы, которые управляют этим распределением, — главная задача политической экономии»¹.

В определении из Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона указано, что рента это «вообще тот вид

¹ Рикардо Д. Соч.: в 3 т. Т. 1. Начала политической экономии и налогового обложения. М., 1955. С. 30.

народного дохода, который получается в силу каких-либо особых преимуществ или благоприятных условий. Подобными преимуществами могут быть для земледельца — плодородие почвы или выгодные условия местоположения, для промышленника — обладание секретом производства или привилегией, для лица какой-нибудь либеральной профессии — талант или выходящее за пределы среднего уровня искусство и т.п.»²

Как видно из этого определения, более выгодные или менее выгодные условия определяются вовсе не только экономическими или *природными* факторами, но и такими, как *привилегии*. Точно так же, как используемые Рикардо слова *распределение, доля, законы*, они отсылают нас к сфере политического.

Однако политическое содержание ренты как таковой, а не специфической *политической ренты* не входит в область интереса *чистых экономистов*. Они рассматривают ренту исключительно с точки зрения ее производства трудом, капиталом и природными факторами как некоего излишка. Политический фактор, например такой, как частная собственность на землю, видится ими только как производное от фактора экономического, что мы можем наблюдать в рассуждении о земельной ренте Б.С. Малышева: «Частная собственность на землю — необходимое, но недостаточное условие присвоения ренты, ее еще нужно произвести. Если имеется земля одинакового качества в неограниченном количестве (предложение превышает спрос при неизменной цене — абсолютно эластичное предложение), то земельной ренты не будет. Очевидно, тогда не будет и частной собственности на землю, разве только в предвидении будущих изменений спроса. Не частная собственность порождает ренту, а наоборот, соз-

² Рента // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. 26А. СПб., 1899. С. 579.

даваемая землей рента порождает институт частной земельной собственности. Если некто владеет землей, выведенной из оборота или еще не введенной в него, то никакой ренты он не получит»³.

Из данного рассуждения следует, что политический фактор не порождает ренты, если ее понимать сугубо как излишек. Ее порождают природа, капитал и труд.

Но как же тогда быть с теми отсылками к политическим факторам, которые так или иначе присутствуют в политэкономических определениях ренты? Право присвоения, распределения продукции, *созданной землей* неважно какого качества, такая же неотъемлемая часть понятия ренты. И это уже явление того порядка, который выходит за рамки описываемого в понятиях труда, капитала и природы. Тут мы должны заметить, что именно земельная рента и возникающие в связи с ней социальные отношения становятся матрицей для иных рент и социальных связей более поздних периодов истории. Как писал еще Р. Джонс, исторически первой является *крестьянская рента*; она основана на насилии, на первичном захвате земли в собственность правителями, когда крестьяне расплачиваются своей продукцией за право использования земли⁴. Возвращаясь к классической политэкономии в лице Смита и Рикардо, мы поэтому, вслед за Р. Джонсом, должны заметить, что она, фокусируя свое внимание на *фермерской ренте*, игнорировала тот аспект ренты, который исторически тесно сопрягается с отношениями господства и подчинения. Смит при анализе ренты исходит из ее природного происхождения, связывая ее с богатством даров природы. По Рикардо, рента возникает не вследствие щедрости природы, а вследствие ее бедности, в силу чего приходится прилагать к участкам земли с раз-

³ Малышев Б.С. Общая теория ренты. Томск, 2012. С. 25.

⁴ См.: Джонс Р. Экономические сочинения. М., 2008. С. 26–31.

ным плодородием разное количество труда, чтобы получить одинаковый результат. Земельная рента описывается у классических экономистов, скорее, в категориях даров природы, труда и капитала, но не в категориях господства и подчинения, более адекватно подчеркивающих ее *социальный* генезис.

Отсюда возникает понятие *социальной ренты* как присвоения труда другого, социального паразитирования, «когда такую возможность дает статус, подтверждаемый силой государства <...> эта возможность опирается как на фундамент на отношения господства с применением санкций. <...> Создается среда, предоставляющая особые выгоды “социальным рантье” по сравнению с экономическими агентами, действующими в других условиях. <...> Каждое общество создает разного рода страты в соответствии с наличием привилегий (права на получение социальной ренты): аристократия и рабы, классы и касты, права собственников и бесправие неимущих. Социальная рента существует при любом экономическом строе, но опирается на разный ресурсный потенциал, как внутренний, так и внешний»⁵.

Очевидно, что явление социальной ренты возникает на уровне, на котором происходит присвоение и распределение излишка, производимого трудом, капиталом и природой. Сфера производства материального излишка («экономической» ренты) по отношению к этому уровню (политическому) оказывается примерно в том же положении, в каком *природа* находится по отношению к труду и капиталу. Точно так же как труд и капитал обладают неким *преимуществом* по отношению к природе, что позволяет производить *из нее* ренту и присваивать последнюю, сфера политического обладает *преимуществом* по

⁵ Васильева Л.Н. Элитологическая онтология. М., 2014. 372 с. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/ontologia/index.php.

отношению к сфере производства, что ведет к такому же результату.

Поясним этот момент. В первобытном состоянии человек живет охотой и собирательством, т.е. за счет тех самых даров природы. Нельзя сказать, что в ситуации, когда рынок ограничен отношениями простого обмена, он получает с этих даров *ренду*. Хотя разница в природных условиях и может давать тем или иным группам нечто подобное ренте. Принципиально здесь то, что большая часть истории человечества протекает в условиях, когда оно пользуется тем, чего само не производит. В первую очередь это относится к продуктам питания, которые человек начинает производить только в процессе неолитической революции. Но и в этом случае производство, к примеру, зерна зарождается там, где ввиду особенно благоприятных климатических условий оно требует наименьших усилий, т.е. опять-таки географически там, где дары природы щедрее всего. Однако это уже иные, прежде не имевшие ценности дары.

Здесь мы должны заметить, что описанное выше присвоение ренты *с природы* есть изначально явление и природного, и квазиполитического характера. На каком основании человек считает себя вправе присваивать такую ренту? На основании некоего превосходства над природой и умения *договариваться* с ее силами. Вначале посредством ранних форм религии, к которым затем прибавляются элементы науки и техники. Он берет от природы ее плоды потому, что ему позволяют это сделать разум, умения и, что особенно важно, общественная организация, которым природа противостоять не может.

Как заметил Рикардо, «если бы воздух, вода, упругость пара и давление атмосферы были неоднородны по своим качествам, если бы они могли быть обращены в собственность и каждый разряд имелся бы только в ограниченном количестве, то и они, подобно земле, давали

бы ренту по мере использования низших разрядов»⁶. Дар природы образует ренту лишь тогда, когда может быть присвоен. Но когда он может быть присвоен? И чем вызвано само это расширение номенклатуры обладающих ценностью даров природы? «Спусковым крючком», который превращает не имеющий цены дар природы в дар, ее имеющий, и который, будучи присвоен, способен давать ренту, служат технические инновации.

Морган по этому поводу писал: «Самые ранние идеи собственности были тесно связаны с добычей средств существования, что составляло первую потребность человека. Число объектов частной собственности естественно возрастало в каждом последующем этническом периоде по мере возрастания количества тех производств, от которых зависели средства существования. Каждый этнический период обнаруживал заметный прогресс по сравнению с предшествующим не только по количеству изобретений, но и по разнообразию и объему собственности, явившейся результатом этих изобретений»⁷.

Иными словами, превосходство над природой делает ее плоды для человека *даром*, т.е. тем, что сам человек не произвел, но присвоил. Это отношение превосходства, преимущества перед природой (даже господства и подчинения) и есть прообраз всякой ренты; оно же фактически находится вне ее осмысления с *чисто экономической* точки зрения. Аналогичным образом при появлении классового расслоения выделяются люди, превосходящие прочих разумом, специфическими умениями (осуществлять принуждение, господствовать) и организацией. Тогда для них прочие люди в той или иной степени превращаются в *дары природы*. Поэтому к области технических инноваций, создающих ренту, мы должны отнести и социаль-

⁶ Рикардо Д. Соч. Т. 1. С. 71.

⁷ Морган Л. Древнее общество. Л., 1935. С. 335.

ные технологии, которые, в терминологии Льюиса Мэмфорда, были заложены в основу *мегамашины* — базовой социальной структуры, создающей как социальную, так и природную ренту. Первой *мегамашиной*, по Л. Мэмфорду, являлось объединение, при посредстве государственного принуждения, множества людей ради выполнения поставленных перед ними задач. «Самым долгосрочным экономическим эффектом первого мифа машины, — пишет Льюис Мэмфорд, — стало разделение всех людей на работающих и тех, кто живет праздно за счет излишка, отнятого у тружеников, вынужденных владеть жалкое существование»⁸.

Если первобытный человек живет чистыми дарами природы, то в дальнейшем, по мере усложнения социальных связей, развития отношений собственности, власти, эксплуатации и т.д., эти дары все больше приобретают вид ренты. Дары природы может присвоить каждый, равно как каждый обладает возможностью индивидуально *договариваться* с силами природы, выступающими под масками мистических существей. Например, в ранних промысловых и аграрных культурах эта способность договариваться не является монополией вождей, шаманов или жрецов; охотники и земледельцы обычно достигают таких договоренностей без посредников⁹. Социальная же рента появляется вследствие *неравенства*, когда какая-то социальная группа овладевает монополией на какой-либо критически важный ресурс, происходящей из монополии на власть и знание. Такова, к примеру, ситуация в «гидравлических империях» Древнего мира, в которых центральная власть монополизировала доступ к воде, а жрецы и чиновники — знания и навыки, необходимые для правильной организа-

⁸ См.: Мэмфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. М., 2001. С. 270.

⁹ См.: Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990. С. 227–231, 360–364.

ции сельского хозяйства и управления. В предельном выражении, как это было в Древнем Египте, фараон сочетает в себе две эти монополии, служит главным посредником между населением страны, природой и богами, да и сам является богом.

На протяжении истории логика природной ренты, объединяясь с логикой социального расслоения и во многом преобразовываясь в нее, низводит часть людей до положения *ресурса*, одновременно возвышая другую часть. Так формируются социальные порядки *естественного государства*, в котором верхушка социальной иерархии живет за счет ренты, обеспечиваемой эксплуатацией и неравенством доступа к ключевым ресурсам. И точно так же как отношения преимущества, господства и подчинения образуют ренты в пределах локального общества, они образуют их и во взаимодействии между странами и национальными экономиками. Тут мы имеем дело с так называемой *империалистической рентой*, которая известна со времен Древнего мира. В эпоху глобализации и торжества неолиберальной политики она создала в ряде развитых стран видимость *постиндустриального общества*, которое на деле есть общество-рантье, где занятое почти исключительно в сфере сервиса население под видом зарплаты получает долю империалистической ренты. Словом, в ходе истории человечества возникает комплекс тесно переплетенных отношений, в которых одни извлекают и присваивают природные ренты, а другие на том же основании *природного* (или маскируемого под *естественное*) превосходства уже из этих последних извлекают ренты социальные.

Данный момент *маскировки* требует особого внимания.

Дискурсы оправдания ренты

Л. Васильева отмечает, что обязательным условием существования социальной ренты является «идеология как на-

вязывание определенного видения мира, позволяющего упрочить и институционализировать новые отношения»¹⁰. И действительно, такого рода дискурсы встречаются на протяжении всей человеческой истории. Унаследованные от прошлого религии, которые описывают имеющийся социальный порядок как данный богами, и более поздние идеологические построения, которые апеллируют к человеческой природе, «природе» вообще, к исторической ситуации (дающей преимущества одним социальным группам, нациям, расам и т.д.), — все они могут быть описаны как дискурсы, оправдывающие наличный порядок получения и распределения ренты.

Начиная с Античности, если не ранее, мы найдем достаточно примеров идеологической легитимации разного рода ренты, рожденной неравенством *по природе*, — этим пронизана вся история цивилизации.

Так, Аристотель, наверное, одним из первых представил четкую и логичную систему обоснования наиболее актуальных тогда рент. Из базового для всякой ренты превосходства *по природе* он последовательно вывел власть разумной души над телом, господство человека над животными, мужчины над женщиной, раба над господином. Показательно, что все эти ренты тесно связаны как с *природой*, так и с политическим господством:

«Согласно нашему утверждению, во всяком живом существе прежде всего можно усмотреть власть господскую и политическую. Душа властвует над телом, как господин, а разум над нашими стремлениями — как государственный муж. Отсюда ясно, сколь естественно и полезно для тела быть в подчинении у души, а для подверженной аффектам части души — быть в подчинении у разума и рас-

¹⁰ Васильева Л.Н. Элитологическая онтология. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/ontologia/28.php.

судочного элемента души и, наоборот, какой всегда получается вред при равном или обратном соотношении.

12. То же самое положение остается в силе и в отношении человека и остальных живых существ. Так, домашние животные по своей природе стоят выше, чем дикие, и для всех домашних животных предпочтительнее находиться в подчинении у человека: так они приобщаются к своему благу (*soterias*). Так же и мужчина по отношению к женщине: первый по своей природе выше, вторая — ниже, и вот первый властвует, вторая находится в подчинении. Тот же самый принцип неминуемо должен господствовать и во всем человечестве.

13. Все те, кто в такой сильной степени отличается от других людей, в какой душа отличается от тела, а человек от животного (это бывает со всеми, чья деятельность заключается в применении физических сил, и это наилучшее, что они могут дать), те люди по своей природе — рабы; для них, как и для вышеуказанных существ, лучший удел — быть в подчинении у такой власти. Ведь раб по природе — тот, кто может принадлежать другому (потому он и принадлежит другому) и кто причастен к рассудку в такой мере, что способен понимать его приказания, но сам рассудком не обладает. Что же касается остальных живых существ, то они не способны к пониманию приказаний рассудка, но повинуются движениям чувств»¹¹.

В Средние века подобного рода обоснования неравенства были столь широко распространены, что специально пересказывать их нет смысла. Отчасти их уже в XX в. воспроизводит Н. Бердяев: «Неравенство религиозно оправдано неповторимо индивидуальной судьбой человеческой личности в вечности. Это не значит, конечно, что не должно облегчать и улучшать земной удел человека. Наоборот,

¹¹ *Аристотель. Политика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1983. С. 383.*

это облегчение и улучшение есть исполнение заповеди любви. Но это значит, что нельзя бунтовать против первооснов божественного миропорядка, разрушать их и противопоставлять свой ограниченный и произвольный смысл божественному смыслу жизни. Неравенство есть основа всякого космического строя и лада, есть оправдание самого существования человеческой личности и источник всякого творческого движения в мире»¹².

Век Просвещения, при апологии равенства людей в общем и целом, тем не менее никак не отрицал неравенства людей *по природе*. Замечательно, что рассуждения о таком неравенстве, к примеру, у П. Гольбаха заканчиваются пассажем, который невольно заставляет вспомнить о политэкономических теориях ренты Смита и Рикардо: «Природа наделила людей такими же различиями, какие мы наблюдаем среди других созданных ею существ. Люди значительно отличаются друг от друга по своим физическим и духовным силам, страстям и идеям, представлениям о благосостоянии и средствам, избираемым ими для достижения этого благосостояния. Таков источник неравенства между людьми. Это неравенство не только не вредит обществу, но и способствует сохранению и поддержке его существования.

<...> Итак, оставим в стороне предположения о мнимом равенстве, которое будто бы с самого начала существовало между людьми. Люди никогда не были равными. <...> Это неравенство людей еще больше бросается в глаза, когда речь заходит о человеческих способностях, называемых духовными, или интеллектуальными, т.е. об энергии и силе страстей человека, о его суждениях, настойчивости и проницательности, о его уме. Человек слабый физически или умственно всегда был вынужден признавать превосходство более сильного, одаренного, предпри-

¹² Бердяев Н. Философия неравенства. М., 1990. С. 62.

имчивого и искусного, более развитого духовно; человек, превосходящий других силой и трудолюбием, мог обрабатывать участок земли больших размеров и добиваться при этом большего плодородия, чем человек, немощный от природы. Таким образом, люди с самого начала были неравны как по их личным качествам, так и по размерам их имущества и владений»¹³.

С развитием капитализма новую актуальность приобрела старая мысль, выраженная Ж. Гобино: «Мысль о врожденном, исходном и раз и навсегда установленном неравенстве между разными расами является одной из самых распространенных с незапамятных времен. <...> Не считая того, что произошло в нынешнюю эпоху, это понятие служило основой почти всех теорий правления. Нет народа, большого или малого, который не делал бы из этой предпосылки первую максиму государственного устройства. Системы каст, знати, аристократии, основанные на прерогативах рождения, не имеют иного источника; то же самое можно сказать и о праве старшинства по возрасту, предполагающем априорное преимущество сына-первенца и его потомков. Из этой доктрины вытекают неприятие чужака и превосходство, которое каждая нация культивирует по отношению к соседям»¹⁴.

Эта старая мысль как нельзя более подходила для обоснования того, что далее мы называем *плохой рентой*; но в эпоху, современную Гобино, она считалась вовсе не плохой, а очень даже естественной и разумной. Так, проповедь расизма в англосаксонских странах приняла значительные размеры еще в конце XIX в., в США получили

¹³ Гольбах П. Естественная политика, или Беседы об истинных принципах управления // Гольбах П. Избр. произведения: в 2 т. М., 1963. Т. 2. С. 100–101.

¹⁴ Гобино Ж.А. Опыт о неравенстве человеческих рас. М., 2010. С. 46–47.

широкое распространение идеи *евгеники* и представления о *естественной* иерархии рас, в рамках которой белые в рамках *цивилизаторской миссии* фактически получают право эксплуатировать другие расы¹⁵. Белая раса объявлялась *высшей* и *наиболее разумной*. Но и внутри белой расы приводились подобные же обоснования, для того чтобы *научно доказать* превосходство господствующих классов над трудящимися массами.

Такого рода обоснования неравенства если теперь и не отвергнуты совсем, то отложены в сторону, по крайней мере в своей грубой форме. Современные апологеты неравенства и вытекающих из него многочисленных рент уже не говорят прямолинейно о превосходстве одной расы над другой или одного класса над другим *по природе*. Однако та же самая логика лежит и в основе современных обоснований неравенства. Либерализм, национализм или, к примеру, теории модернизации в этом смысле мало чем отличаются от своих архаичных предшественников или от таких более *грубых* современников, как нацизм и расизм: человек, родившийся в *мастерской мира* или *глобальном гегемоне*, пользуется преимуществами просто в силу своего рождения. Капитализм, с его бурным научно-техническим прогрессом, как известно, тесно связывается с постоянным введением инноваций. Собственно они и дают большую часть ренты. Но откуда берется эта способность к инновациям? Раньше прямо говорили, что она — дар природы, щедрый для одних рас и скупой для других. Теперь те же утверждения являются закономерным выводом из исследований IQ, который у представителей белой расы оказывается выше, чем

¹⁵ Коуп З. Разделенный мир, разделенный класс: мировая политэкономия и стратификация труда при капитализме. URL: <http://lenincrew.com/divided-world-1/>.

у представителей иных рас¹⁶, а у представителей высших классов превосходит таковой у обитателей нижних ярусов социальной пирамиды. И такой порядок, конечно же, представляется как естественный и обосновывается научно. Как замечает А.В. Матецкая, «современные общества имеют собственный вариант объяснения (и оправдания) социального неравенства — миф о том, что человек сам кузнец своей судьбы. <...> В качестве примера современной легитимации социального неравенства можно рассматривать даже социологическую теорию. Структурно-функционалистский подход к объяснению феномена социального неравенства провозглашает, что социальная стратификация выполняет важную социальную функцию, а именно — позволяет поощрять наиболее способных и инициативных, предоставляя им более высокий статус и вознаграждение. В данном случае мы имеем дело с воспроизводством в рамках науки мифа о заслугах, упомянутого выше»¹⁷.

Но социологическая теория — не самый яркий и образцовый пример современных дискурсов, служащих легитимации социального неравенства и социальной ренты. Как убедительно показывает В.М. Ефимов, мейнстримное неоклассическое направление экономической науки стало играть аналогичную роль гораздо раньше и в больших масштабах. Со времен возникновения экономики как науки правящие круги буржуазного общества «были заинтересованы в абстрактных теоретических построениях, обосновывающих видение общества как рынка и бесконтрольности их экономической деятельности»¹⁸. Уже «в середине XIX века курсы политэкономии сознательно

¹⁶ См., например: *Линн Р.* Расовые различия в интеллекте: Эволюционный анализ. М., 2010. 304 с.

¹⁷ *Матецкая А.В.* Социология культуры. Ростов н/Д, 2006. С. 118–119.

¹⁸ *Ефимов В.М.* Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики. М., 2016. С. 107.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru